

МЫСЛИТЬ КОНСТРУКТИВИСТСКИ: ОТКРЫВАЯ МНОГОГОЛОСЫЙ МИР

Т.А. Алексеева

С конца 1980-х гг. одним из главных направлений в теоретическом исследовании международных отношений стал конструктивизм. Именно к этому времени он уже достаточно прочно утвердился на теоретическом Олимпе, предложив собственную онтологию, эпистемологию и методологию. Хотя почвой для конструктивизма выступил фактически весь постпозитивизм, будет неверно считать его синтезом разных парадигм этого направления. Другое дело, что он с самого начала стремился дать, прежде всего, методологический «ответ» доминирующим «школам» в теории международных отношений. Конструктивизм, таким образом, предлагает определенным образом взглянуть на предметную область мировой политики¹.

Строго говоря, ничего сверхнового в нем не было. Конструктивная установка имеет длительную историю в науке и в теории познания. По крайней мере, с начала Модерна дихотомия «познанное — сделанное (сконструированное)» стала типичной для науки Нового времени и сопровождающей ее теории познания. Это позволило современным конструктивистам вписать в число своих предтеч Вико, Канта, Гегеля, Гуссерля и немецкую гносеологию в целом². Тем не менее, как считается в современной западной науке, сам по себе термин «конструктивизм» начал использоваться в 1950-е гг. в работах Ж. Пиаже и Дж. Келли, однако научную респектабельность вполне определенной эпистемологической позиции в социальных науках он обрел значительно позднее, только в контексте «культурного поворота»³.

Философы и психологи, изучавшие природу познания — продолжатели тра-

диции А. Шюца, Ж. Пиаже, Дж. Келли, Н. Лумана, Дж. Мида, П. Бурдьё, Л.С. Выготского и других мыслителей, ввели в науку понятие «конструкта» как производимого человеческим сознанием идеального объекта, или классификационно-оценочного шаблона, через которые человек воспринимает мир⁴. Сформировавшийся на основе их воззрений *социальный конструктивизм* (одним из его ответвлений стал конструктивизм в теории международных отношений), обратился к дискурсам, отношениям, взаимодействиям между людьми, отказавшись от всеобщих универсальных истин и повернувшись лицом к многоголосию, сообществу и диалогу как способам конструирования мира.

Международники называют в качестве автора термина в теории международных отношений Николаса Онуфа, опубликовавшего в 1989 г. книгу под названием «Мир, который мы создаем»⁵, хотя многие идеи, сформулированные вполне в конструктивистском духе, присутствовали уже в работах Ричарда Эшли⁶ и других международников, в том числе и более ранних.

Наконец, не следует сбрасывать со счетов также вклад, внесенный так называемой английской школой в теорию международных отношений (Хэдли Булл и др.), которая с конца 1970-х гг., развивая идеи Гуго Гроция, предложила идею «международного сообщества» как промежуточного варианта между «силовым» подходом реалистов и обоснованием необходимости сотрудничества либералов-институционалистов. Именно ее А. Вендт, как один из наиболее известных конструктивистов-международников,

называет своей идейной предшественницей. Однако, как известно, взгляды «школы» не получили поддержки со стороны американских теоретиков-международников, стоявших в основном на позитивистских позициях, и не без их давления на несколько лет сохранились в учебниках и хрестоматиях по теории международных отношений, скорее, в качестве если не экзотического, то достаточно изолированного примера.

К середине 1990-х гг. в общем и целом сформировался современный конструктивизм как субстантивная (содержательная) теория международного поведения, вызвав, на волне пересмотра многих постулатов вследствие окончания холодной войны и необходимости ремоделирования подходов, бурные дебаты в доминирующем дискурсе теории международных отношений.

К этому же времени четко обозначились два течения внутри конструктивизма — североамериканское и европейское, различающиеся довольно существенно в отношении целого ряда вопросов и методов исследования. Североамериканский вариант делает особый акцент на роли «социальных норм» и «идентичности» в конструировании мировой политики и определении результатов внешнеполитической деятельности; в нем по-прежнему доминирует позитивизм, а основной интерес сосредоточен на «вскрытии дедуктивных механизмов «сверху-вниз» и каузальных отношений между акторами, нормами, интересами и идентичностью»⁷. Именно к этому лагерю с некоторой долей условности можно отнести А. Вендта, Н. Онуфа, П. Катценштайна и др. Европейский вариант уделяет внимание роли «языка», «лингвистических конструкций» и «социальных дискурсов» в конструировании социальной реальности и, разумеется, «идентичности»; в нем доминируют постпозитивистские и интерпретативные подходы, и наряду с дедуктивным широко используется индуктивная (снизу вверх) стратегия

исследования. Среди его адептов можно назвать таких известных исследователей, как Ф. Кратчвилл и Т. Хопф⁸. Однако все различия между конструктивистами преодолеваются, как мы увидим ниже, их приверженностью социальному структурированию мировой политики.

Онтология,

эпистемология, методология

Спорность и незавершенность процесса формирования конструктивизма как направления исследований заметна уже при первом приближении — не случайно целый ряд авторов начинает с того, что вообще пытается определить, о чем идет речь. Что это, новая парадигма, тип мышления, метод или теория? Пока нет вразумительного ответа, а есть лишь разные точки зрения. Так, один из наиболее известных конструктивистов, Александр Вендт, понимает под ним не содержательную теорию, а философию социальных наук⁹. Ее предмет — «онтология международной жизни», и главная цель — осветить онтологическую реальность intersubjectивного знания¹⁰. Более того, Вендт даже специально оговаривается, что конструктивизм — не теория, так как не имеет ни предсказывающей, ни объяснительной функции, это лишь инструмент анализа¹¹. Другие авторы, например Эммануэль Адлер, рассматривают конструктивизм как «метатеорию»¹², интерес которой обращен не столько на противоречие между «наукой» и «литературной интерпретацией «рассказов», или натуралистической концепцией науки, в основе которой лежат теории и философия науки, сколько на природу самих социальных наук и, соответственно, теории международных отношений¹³. Поэтому можно сделать вывод о том, что конструктивизм — все же не теория в широком смысле слова, а разделяемая совокупность исходных посылок, которые могут быть представлены как методология. Некоторые исследователи вообще считают, что кон-

структивизм «остается методом и ничем иным»¹⁴. Дж. С. Баркин, например, рассматривает конструктивизм как кластер исследовательских методов и аналитических инструментов, «совокупность предположений о том, как изучать мировую политику», но не о том, как «политика работает»¹⁵, или, иначе, это «скорее совокупность исследовательских методов, а не парадигма в том смысле, как это имеет место с реализмом, либерализмом или марксизмом»¹⁶. Но с этой точкой зрения согласны далеко не все.

В любом случае, пишет А. Вендт, отчасти противореча самому себе, задачей конструктивизма является создание «конституирующей» «теории» и объяснение «последствий «конституирования» для международных отношений. Каузальная (причинно-следственная) теория в отличие от конституирующей ставит вопрос «почему?» и показывает, как именно «временно предшествующий X создает независимо существующий Y». Конституирующая теория ставит другой вопрос, «что?», и определяет «структуры, которые конституируют X или Y в первую очередь»¹⁷. Например, молекулярная структура воды H₂O отвечает на вопрос, что нам показывает конституирующая теория. Аналогичным образом холодная война — следствие идей, которые американские и советские политики имели по поводу отношений между сверхдержавами. Можно привести и другие примеры. Неудивительно поэтому, что многие конструктивисты обращаются именно к интерпретативной (герменевтической) эпистемологии. Социальные науки, полагают они, прибегают к интерпретативному исследованию для понимания смыслов, а отнюдь не к научному анализу причинно-следственных связей и отношений.

Будучи одним из направлений в критической теории, конструктивизм в то же время существенно от нее отличается, прежде всего тем, что одновременно интересуется метатеорией, содержатель-

ным эмпирическим анализом, включает контррационалистические выводы самой критической теории, а также некоторые аспекты взглядов на мировую политику, вполне совместимые с некоторыми представлениями неореалистов и неолибералов. При этом конструктивизм наглядно проявляет свою приверженность неопозитивистской методологии в целом. Более того, конструктивисты утилизуют эти методы и идеи, находя для них эмпирическое использование.

Конструктивизм — одно из наиболее ярких проявлений противостояния между рационалистами, в соответствии с взглядами которых мир управляется универсальными законами, с одной стороны, и рефлексивистами, подчеркивающими значение intersubjectивных, разделяемых смыслов и дискурсов, всегда включенных в конкретный социальный контекст, с другой. Однако здесь все не так просто. Конструктивизм все-таки стоит посередине между рационалистическими теориями, такими как реализм, неореализм и неолиберализм; и интерпретативной эпистемологией — постмодернизмом в духе Жака Дерриды и Мишеля Фуко, и критической теорией ориентирующихся на мыслителей «франкфуртской школы», таких как Адорно, Хоркхаймер и из более поздних — Хабермас. Конструктивизм — это взгляд, предполагающий, что то, «каким образом материальный мир формирует и сам формируется действиями людей и взаимодействиями, зависит от динамичных нормативных и познавательных интерпретаций материального мира»¹⁸.

Самое существенное — это то, что конструктивизм в целом противостоит значительной части рефлексивистских теорий, прежде всего, в том, что не признает безбрежного эпистемологического плюрализма, т.е. равноценности всех локальных форм познания. С онтологической точки зрения речь идет о его месте в противостоянии идеи единства мира, в котором всякое развитие происходит под

влиянием единых законов, и рефлексивизма, предполагающего, что многоголосье мира неизбежно. Конструктивисты и здесь пытаются оказаться посередине, признавая множественность мира, но допуская некоторые обобщения, впрочем, до определенных пределов. Интерпретация науки как единства в разнообразии предполагает, что, несмотря на наличие разнообразных исследовательских программ, на каком-то уровне они неизбежно оказываются в ситуации диалога. В этом плане конструктивистская методология, добиваясь валидности своих результатов, опирается на правила научной коммуникации, в отличие от подавляющего большинства рефлексивистских подходов. Таким образом, в отличие от неореалистов и неолибералов, конструктивисты отнюдь не стремятся к поиску универсальной истины в отношении пространства и времени. Это вовсе не означает, что они в принципе отрицают достижения социальных наук. Конструктивисты используют обычные исследовательские методы, включая дискурс-анализ, генеалогию, структурно сфокусированные сравнения, экспертные интервью, наблюдения участников, контент-анализ мемуаров и архивных документов, статистический анализ и т.д. Более того, у конструктивизма в принципе нет одного-единственного метода исследования. Безусловно, они следуют принципам научной, аристотелевской логики, однако предпочитают ограничиться поисками типичного в разных географических зонах и периодах истории, не замахиваясь на универсальные законы и обобщения. Однако многие из исследователей этого направления все же полагают, что всякая рациональность в конечном счете обусловлена культурой.

Несмотря на некоторые различия, все конструктивистские течения объединяет общее восприятие знания как интерпретации, а также ряд ключевых эпистемологических положений. Начнем с самого общего тезиса о том, что кон-

структивизм чуть ли не все элементы мировой политики рассматривает в качестве социально сконструированных сущностей, на формирование которых влияют исторические или социально-экономические процессы, т.е. они обретают свою форму благодаря социальной практике и взаимодействию разных акторов между собой.

Можно выделить три типа конструктивизма с точки зрения его онтологической или эпистемологической позиции: 1) конвенциональный конструктивизм отличается от рационализма (неореалистов и неолибералов-институционалистов) в своем подходе к онтологии, но придерживается аналогичной концептуализации по эпистемологическим вопросам; 2) критический конструктивизм расходится с рационалистами в вопросах онтологии и эпистемологии, однако все же признает возможность использования достижений социальных наук; 3) наконец, конструктивисты-постмодернисты в принципе отрицают всякую рационалистическую онтологическую и эпистемологическую концептуализацию¹⁹. Они полагают, что материальный мир вообще существует только благодаря интерпретации. Однако такой радикальный подход встречается относительно редко.

Ключевым для конструктивистов является понятие **«социально сконструированный»**. Оно фундаментально, так как именно отсюда проистекает само название «конструктивизм», понимаемого как «социальная теория мировой политики». Вендт пишет, что «фундаментальным принципом конструктивистской социальной теории является то, что люди действуют по отношению к объектам, включая других акторов на основе смыслов, которые для них имеют эти объекты»²⁰. Иными словами, на основании той ценности, которую они для них представляют, и того, как именно они интерпретируются в обществе, в котором действуют. Смысл терминов, на основании которых

предпринимается действие (например, сотрудничество), основывается на разделяемых интересах²¹. Речь идет о коллективном смысле, возлагаемом на объект (например, анархию), которые создают структуры, организующие действия. Несмотря на то, что государства действуют в анархической среде, международные отношения имеют социальный характер, поскольку акторы сами создают социальную реальность.

Это ставит более общую проблему **отношений между структурами и агентами**. Конструктивисты, включая Вендта, попытались показать, что «структура» — отнюдь не дана свыше, а формируется (конструируется) благодаря социальной практике. Под структурой конструктивисты обычно понимают «институты и разделяемые смыслы, которые создают контекст международных действий, а под агентами ... любую единицу, которая действует в этом контексте»²². Вендт подчеркивает одинаковый онтологический статус агентов и структуры, поскольку они взаимно обуславливают и трансформируют друг друга в процессе развития. Более того, будучи социальным, а не материальным явлением, как считал, например, М. Уолц, структура как таковая существует только как результат взаимодействий и взаимовлияний.

Кроме того, и неореалисты, и конструктивисты рассматривают государства как единицы анализа и теоретизируют преимущественно в отношении «третьего образа»²³, т.е. вокруг структуры мировой политики. Однако именно здесь начинаются расхождения. Неореалисты рассматривают структуру только как тип распределения материальных потенциалов, в то время как конструктивисты добавляют к нему социальные отношения, в которые они включают разделяемые знания (идеи и перцепцию в отношении других акторов и шире — как устроен этот мир; материальные ресурсы — деньги, золото, вооружения, ракеты и прочее; и практики — что именно де-

лают акторы, социальные структуры существуют только в процессе. Вследствие этого конструктивисты противопоставляют идею «сообщества безопасности» (доверие и сотрудничество в разрешении конфликтов и т.д.) неореалистской «дилемме безопасности», в основе которой лежит недоверие друг к другу, ожидание наихудшего и акцент на самопомощь.

Соображения по поводу интерсубъективного смысла позволяют конструктивистам избегать объяснений происходящего, чем вынуждены заниматься сторонники рациональных теорий. Вслед за Максом Вебером они встают на позицию «понимающей социологии» и пытаются интерпретировать реальность человеческого сознания в социальной жизни. Конструктивизм не выстраивает субъектно-объектные отношения между исследователем и тем, что они пытаются понять. Реальность — не иллюзия, а продукт наших разделяемых перцепций, ценностей, идей, практик и материальных факторов, хотя последние, подчеркнем еще раз, отнюдь не играют приоритетную роль. Главное же, что между структурами и акторами существуют взаимно конституирующие, интерактивные отношения — именно в этом смысле писал о структуризации, например, такой видный социолог, как Энтони Гидденс.

Однако дело не ограничивается последствиями взаимодействия между единицей и системным уровнем. Здесь проходит еще одна граница между воззрениями политических реалистов и конструктивистов. Кеннет Уолц, например, исходил из того, что государство — неизменяющаяся единица в принципе, хотя и оказывает влияние на систему. Конструктивистский подход, наоборот, предполагает, что действия государств вносят свой вклад в формирование институтов и норм международной жизни, а последние, в свою очередь, оказывают влияние на социализацию и деятельность государств. Таким образом, пред-

полагается взаимное влияние агентов и структуры.

Вследствие этого, конструктивизм уделяет особое внимание целям, угрозам, страхам, культуре, идентичности и другим элементам «социальной реальности», рассматривая их как социальные факты. Конструктивисты исходят из того, что идентичность, культурные и религиозные ценности, политические взгляды, политические институты создаются, т.е. конструируются, в зависимости от желания акторов. Или, иначе, фокус социального конструктивизма направлен на сознание и интересы человека, и его место в мире. А это означает, что международная система — это не нечто от нас бесконечно удаленное, она не может существовать сама по себе. Она появляется только благодаря интерсубъективному интересу людей, с этой точки зрения она конституируется идеями, а не материальными силами. Если развить эту мысль, то можно сказать, что международная система — продукт сотворения людьми совокупности идей и системы норм, созданных в конкретное время и в определенном месте.

Поэтому ключевой концепт в конструктивизме — идеи как общие, так и частные (индивидуальные). Общие идеи, будучи частью социальной структуры, образуют культуру. Здесь также весьма важна социальная роль того или иного агента. Структура и тенденции в анархичной системе международных отношений, в конечном счете, оказываются в зависимости от доминирующих ролей (по Вендту, их три — «враг», «соперник», «друг» — в отличие от дуальности друзья/враг у Карла Шмитта). Соответственно, они опираются на три важнейшие традиции в истории политической мысли — гоббсианскую (Гоббса), локкианскую (Локка) и кантианскую (Канта).

Однако идеи, оказывающие влияние на мировую политику и международные отношения, это нечто большее, нежели просто индивидуальные взгляды

и убеждения. Речь идет об интерсубъективных (т.е. разделяемых многими людьми) и институционализированных идеях, проявляющихся в форме практик или идентичностей, воплощенных не только в мировоззрении, но и в «коллективной памяти», процедурах, системе образования и воспитания, и риторике государственных деятелей.

Представление о реальности в конструктивизме в целом включает материальное, субъективное и интерсубъективное измерения мира. При этом особое значение имеют две переменные — идеи и социальные нормы.

«Социальному конструированию», таким образом, противостоит материалистический подход, предполагающий, что материальные объекты (будь то факторы военной силы, ресурсы, экономический потенциал, финансовые потоки, даже политика) видоизменяют результаты деятельности, вне зависимости от того, какие идеи или планы были положены в их основу. Государственные деятели могут мечтать или намереваться изменить мир, поступая по-другому, нежели предполагают имеющиеся в их распоряжении возможности, но у них не будет выбора, и им придется следовать диктату материального мира. В этой оптике теории неореализма и неолиберализма — насквозь материалистичны. Они пытаются объяснить тенденции в международных отношениях и поведение государств на международной сцене как результат взаимодействия материальных сил, в частности, вооружений, стратегических ресурсов, финансовых потоков, которые, как они считают, конституируют «силу». Неореалистов иначе можно назвать структуралистами, придерживающимися причинно-следственных связей. Они полагают, что большая часть международных проблем может быть объяснена характером структуры международной системы. Именно эту мысль впервые высказал такой известный теоретик, как Кеннет Уолц, в своей знаме-

нитой работе «Человек, государство и война», а также в более поздней книге «Теория международной политики».

Это не означает, что конструктивизм в принципе отвергает материальный мир, ибо интересубъективное знание и материальный мир взаимодействуют друг с другом, однако им присуща относительная автономия. Вопреки представлениям неореалистов, материальный мир не может полностью детерминировать то, как именно люди или государства ведут себя на международной сцене. Он лишь в определенной степени ограничивает возможности интерпретации и конструирования интересубъективного мира.

В большинстве конструктивистских подходов материальный мир лишь накладывает определенные ограничения как на действия, так и на социальную структуру, но отнюдь не полностью детерминирует их. В игру вступает субъективный фактор. Тем самым конструктивизм противостоит репрезентации, предполагающей, что наши знания суть отражение объективной реальности, акцентируя роль субъективного разума в построении картины мира. Материальный мир формирует социальный мир и одновременно сам формируется благодаря социальному миру. Смыслы, предлагаемые материальным миром, таким образом, более уже ему не принадлежат. Они уже выведены за его пределы и превратились в социальные факты, из которых люди конструируют свой интересубъективный мир, который, таким образом, превращается в окончательного арбитра смысла. Тем самым смысл как продукт социального взаимодействия обретает социальный контекст.

Материальный объект, таким образом, имеет разные смыслы, в зависимости от социальных контекстов, в которых он существует. Поэтому конструктивисты не отрицают материальный мир (вопреки утверждению, которое часто можно встретить в относительно поверхностных текстах и учебниках, в том

числе, к сожалению, российских), а инкорпорируют его в качестве *одного из аспектов* своего подхода. «Материальные силы вторичны, но они имеют значение, поскольку сконституированы в соответствии с определенным смыслом для акторов», — утверждает Вендт²⁴.

Значение, которое конструктивисты придают социальному контексту, дистанцирует их от универсализма. Конструктивизм настаивает на множественности истин, их альтернативности, культурно-исторической привязке, контекстуальности и принципиальной неуниверсальности. А отсюда — стремление к пригодному, полезному, прагматичному образу действий, а не к поиску абсолютного соответствия действительности²⁵.

В то же время они отнюдь не претендуют на ценностную нейтральность. Социальные ситуации неизбежно оказывают влияние на интерпретацию — ученые не могут находиться в вакууме, стерильном от ценностей. Но это означает, что и другие теории международных отношений, будь то бихевиорализм или теория рационального выбора, также являются социально сконструированными, полагают конструктивисты. Поэтому конструктивизм сравнительно легко сочетается с разными дисциплинами — социологией, сравнительной политологией, социальной психологией и др., что, безусловно, обеспечивает его динамичность, открывая широкое пространство для развития.

Одновременно конструктивизм способен к саморефлексии, он сам критикует себя и открыт для внешней критики. Всякий конструктивистский тезис всегда оставляет место для его оспаривания или альтернативной интерпретации. Благодаря этому он не стоит на месте.

Ключевые концепты

Конструктивизм как структурная теория международной системы строится на нескольких ключевых утверждениях, подчеркивает А. Вендт:

(1) государства — основные единицы анализа в международной политической теории; (2) ключевые структуры в системе государств, скорее, носят intersubjective, чем материальный, характер; и (3) государственная идентичность и интересы в значительной степени конструируются этими социальными структурами, нежели придаются системе извне природой человека (как подчеркивают неореалисты) или внутренней политикой (что понравилось бы неолибералам)²⁶.

Для понимания сущности конструктивистского мышления необходимо выяснить, в чем он сходится и в чем расходится с неореализмом и либеральным институционализмом как двумя основными парадигмами, господствовавшими в период, когда конструктивизм только начинал формироваться относительно ключевых концептов теории международных отношений.

Напомним основные положения неореализма: мировая политика носит анархичный характер; государства рациональны; они стремятся к «выживанию», к самосохранению с помощью защиты национальных интересов; государства обладают силовым потенциалом; и, наконец, они никогда не могут быть уверены в характере намерений других государств, поэтому вынуждены делать акцент на самопомощь; мировая политика формируется благодаря поведению на основании теории рационального выбора и решений эгоистических акторов, стремящихся защитить собственные интересы через утилитарные калькуляции, предполагающие необходимость максимизировать преимущества и минимизировать потери; безопасность и материальные интересы определяются с позиции силы.

Важнейшим является положение об *анархичном характере* международной системы. В ней отсутствует какой-либо высший авторитет, она состоит из единиц-государств, которые формаль-

но являются равными, поскольку обладают суверенитетом над своей территорией, в ней отсутствует единство. Отсюда тенденция в неореализме рассматривать преимущественно международные отношения через отдельные «единицы»-государства. Необходимость защищать свои собственные интересы с помощью силы — следствие именно анархической природы международных отношений. В теории международных отношений представлены три основных подхода, которые исходят из предпосылки «естественной необходимости»: во-первых, наивная материалистическая вера в то, что объективные условия детерминируют политические последствия; во-вторых, социобиологическое утверждение, что важнейшие параметры мировой политики предопределяются природой человека (у этих подходов все же относительно немного приверженцев); и, наконец, в-третьих, аргумент о том, что международная анархия накладывает серьезные ограничения на действия акторов в мировой политике (позиция неореалистов)²⁷. В последнем случае приводятся обычно следующие аргументы: анархия относительно неизменна; она означает четкие ограничения для акторов; она независима от специфических исторических конфигураций авторитета, власти и легитимности. Таким образом, анархия оказывается эквивалентом «природы вещей», или гоббсовского «естественного состояния» в мировой политике. Проблема заключается в том, что, не обращая внимания на вопрос о природе идентичности и интересов акторов в системе, а также на смысл социальных институтов (включая и саму анархию), структура в неореалистской оптике не может дать какой-либо адекватной информации относительно того, будут ли государства «друзьями» или «врагами», признают ли они суверенитет друг друга, связаны ли они династическими узами, стоят ли они на позициях ревизионизма или придерживаются статус-кво и т.д., полагает Вендт²⁸.

Государства рассматривают безопасность через призму конкуренции как «игру с нулевой суммой»: если одно государство увеличивает свою безопасность, то это означает снижение уровня безопасности для другого. Вендт отмечал, однако, что если государства придерживаются каких-то альтернативных подходов к безопасности (например, «кооперативного, т.е. допускающего возможность максимизировать свою безопасность, не нанося ущерба безопасности других государств; или «коллективного», когда государства идентифицируют безопасность других государств как самоценность, анархия вообще оказывается не в состоянии быть полезной»²⁹. Однако неореалисты так и не смогли заметить эту зависимость, предположив, что смыслы неизменны.

Современные либералы в меньшей степени делают акцент на анархической природе международной системы как детерминанте международных отношений, однако видят в ней источник объективных ограничений. Анархия, имплицитно или эксплицитно, создает среду, в которой акторы осуществляют стратегическую защиту своих интересов, вытекают ли они из внутривнутриполитических условий (внутренний либерализм) или факторов государственного уровня (либеральный институционализм). Либеральный институционализм концентрирует свое внимание на процессах взаимозависимости международных акторов и институциональных ограничениях, накладываемых на поведение государств всевозможными международными организациями.

В отличие от неореалистов и либералов, Вендт указал, что то, в какой степени анархия ограничивает действия государств, зависит от того, как именно сами государства воспринимают анархию, свою идентичности и интересы, т.е. анархия даже необязательно является самостоятельной системой. Анархия рассматривается конструктивистами также

как социальный конструкт (или практика). Это означает, что идеи (суверенитет, династические связи, торговля, гуманитарные цели и т.д.), которые оказывают влияние на политику, но отнюдь не вытекают из анархической природы международных отношений. Он пишет: «Самопомощь и силовая политика ни логически, ни каузально не вытекают из анархии, и... если сегодня мы живем в мире, где господствует самопомощь, это связано с процессом, а не со структурой»³⁰. Но тогда (с чем, впрочем, соглашаются далеко все же не все конструктивисты) анархия — не более чем пустая абстракция. Для остальных же она может видоизменяться, именно в силу того, что является социальным конструктом. Что же касается Вендта, то он рассматривает анархию скорее в культурных, нежели в материальных, формах.

Еще одна точка пересечения — концепт **силы**. Если для неореалистов сила — *ultima ratio* мировой политики, то либералы практически всегда стремились к тому, чтобы показать, что влияние силы на политические процессы может быть снижено, если не вообще прекращено при условии правильного распределения интересов и стратегий (именно это и позволило назвать их «идеалистами»). Они могли публично спорить о проблемах сотрудничества, институциональном строительстве, гонке вооружений или балансе сил, но в любом случае национальный интерес в их взглядах всегда материалистичен. Социальный мир может иметь внутренний дискурс и осуществлять модификации смысла того, что представляет собой материальный мир. Но не более того: для либеральных институционалистов материальный мир все-таки остается первичным.

Конструктивизм не предполагает простого замещения «грубого материализма» на столь же «грубый идеализм»: как подчеркивалось выше, конструктивизм исходит из того, что материальные силы проявляются через социальные

концепты, которые определяют смысл человеческой жизни. Стало быть, любое взаимодействие носит сконструированный характер, т.е., зная действие, исследователь может оценить его возможный результат. Следовательно, у экспертов международных отношений в рамках конструктивистской социальной парадигмы появляется возможность прогнозировать развитие мировой политики. Утверждение Вендта заключалось в том, что даже такое понятие, как «политика с позиции силы» — одно из ключевых в реалистской парадигме, является социальным, а отнюдь не природным явлением, а стало быть, может быть преобразовано посредством человеческой деятельности.

Это объясняется тем, что военная сила и ее распределение среди государств не могут автоматически сформировать заранее определенную социальную структуру. Даже в условиях анархии и отсутствия высшего авторитета, международная система совершенно обязательно должна строиться на принципах конкуренции, на чем настаивают реалисты. Вполне возможна индивидуальная или коллективная система безопасности. Система также не предопределяет полностью идентичность государств. Поэтому рассмотрение государств как «бильярдных шаров» (любимая метафора реалистов) не в состоянии объяснить реальность. Станут ли два государства «друзьями» или «врагами», детерминируется отнюдь не только военной структурой. Идентичность и социальная структура играют существенно более важную роль. Из конструктивистского утверждения, что фундаментальные структуры мировой политики носят скорее социальный, нежели материальный, характер, вытекает также, что эти структуры формируют идентичности и интересы, а не только поведение акторов. Именно в этом конструктивизм противостоит рационализму.

Возьмем, например, концепт силы, являющийся одним из центральных

в международных отношениях. В дискуссиях преобладает единственная форма силы: один актор контролирует другого, принуждая другого сделать нечто, что в противном случае он делать бы не стал. Между тем другие формы силы обычно не привлекают внимание международных отношений. Конструктивисты используют множество концепций силы, расширяют ее концептуальные рамки. Коль скоро сила формируется через социальные отношения, ее последствия могут быть специфически/прямыми или диффузно/косвенными. Эти различия генерируют таксономию и, как следствие, четыре концепции силы: принудительную, институциональную, структурную и производительную. Но не ограничиваются этим. Кроме того, конструктивисты ввели понятие **дискурсивной силы** (знание, идеи, культура, язык и идеология), не менее важной для формирования мирового порядка, чем военная сила. Дискурсивная сила производит и воспроизводит интерсубъективные смыслы. Она предопределяет, каким образом материальная сила, структура, государственная идентичность, и даже отношения между государствами, равно как и другие социальные факты, должны определяться и пониматься. Здесь открывается пространство для манипулирования, навязывания определенной интерпретации и затушевывания других возможных смыслов. Собственно, именно здесь всплывает момент определения «друзей», «соперников» и «врагов».

Анархическая международная система обязательно предполагает систему самообороны для каждого государства. Крупномасштабные расходы на военные цели в одном государстве могут быть интерпретированы другим государством как военная угроза. Третьи страны могут воспринять это даже как угрозу региональной безопасности. Государство, ощущающее угрозу, начинает вооружаться, однако они могут воспользоваться другой возможностью — принять кон-

цепцию коллективной безопасности в качестве контрбаланса угрозе. Самооборона — это институт, полагает Вендт, и в качестве такового зависит от intersubjectively понимаемого, ожиданий и «распределения знания, формирующих государственную концепцию самого себя и «других»³¹. Конституирующие возможности анархической системы здесь ни при чем. Одновременно этот подход поставил под сомнение один из самых известных неореалистских концептов — баланса сил. Нет необходимости уравнивать любое наращивание силы со стороны одного из государств. Стивен Уолт даже поставил вопрос о том, что пора заменить концепцию баланса сил концепцией баланса угроз³². Представляет ли государство угрозу или нет, зависит от типа его идентичности. При этом международные институты и нормы играют поддерживающую роль. Это делает сотрудничество между государствами более вероятным.

Неолибералы, как известно, поддерживают международные институты, считая, что только они в состоянии ограничить пространство неопределенности и изменить цену транзакций, но они не могут дать сильные гарантии предотвращения обмана со стороны государств. Джозеф Най рассмотрел процесс «комплексного обучения», Роберт Джервис — «изменяющиеся концепции самости и интереса», Роберт Кохейн призывал к «социологическим концепциям интереса», подчеркивая возможность трансформации идентичности и интересов. Тем не менее собственная идентификация — важнейшая конституирующая черта и часть природы государства, никакие международные институты не в состоянии изменить подобную идентичность. Что они могут сделать, так это ограничить такие интересы, не позволяя им подрывать международное сотрудничество. Институты могут разработать систему поощрения и наказания для того, чтобы предотвратить обман. Они могут

переориентировать государства с краткосрочных преимуществ на долгосрочные, но они не могут изменить характер эгоистических государств. Поэтому обман более вероятен при неолиберальном подходе, нежели конструктивистском.

Как относительно стабильная совокупность структур, идентичность и интересы, которые часто кодифицируются в нормы и правила, достаточно большой дискурсивной силой может обладать международный институт для того, чтобы ее привести и даже изменить характер государства — не только ограничить государственные интересы, но и предложить его вниманию новые, в большей степени соответствующие целям международной организации. Они руководствуются международными нормами, на основании которых государства выстраивают логику соответствия. Получил распространение тезис о том, что демократические государства не только не воюют друг с другом (расхожее утверждение в западной политической мысли), но они также формируют «коллективную идентичность», поддерживают и создают институты сотрудничества ради специфических целей. Разумеется, так бывает и не всегда, однако потенциальная возможность этого принимается во внимание при исследовании международных процессов.

Сказанное, таким образом, отнюдь не предполагает, что международные нормы автоматически принимаются государствами. Внутренняя политика — еще один фактор, который оказывает непосредственное влияние на формирование **идентичности** государства. В процессе локализации происходит дискурсивное взаимодействие между внутренней политикой и международными институтами. Он может проявиться в форме прелокализации (сопротивление и проверка норм), локальной инициативы (предпринимательства и оформления), адаптации (прививки и упрощения), распространения и «универсализации».

Это предполагает относительную автономию государства по отношению к международной социальной структуре. Государство, опираясь на свою материальную мощь и дискурсивную силу, может проецировать свою идентичность, преодолевая границы, вплоть до деятельного или даже доминирующего участия в конструировании международной социальной структуры. При этом влияние государственных деятелей может оказаться решающим: личность и социальная структура взаимно конструируют друг друга.

Динамичные отношения между материальной структурой, международной социальной структурой и внутренней политикой создают множественную идентичность в мировой политике, что, собственно, и отличает конструктивистский подход от неореализма и неолиберализма, для которых идентичность всегда единична и относительно статична. Однако он не ограничивается этим: интересы и идентичности как зависимые переменные конструируются в процессе взаимодействий, что в долгосрочной перспективе делает их потенциально трансформируемыми.

Определяя идентичность других акторов, государство принимает решение, с кем проводить политику сотрудничества, в отношении кого — нейтралитета, а кто представляет угрозу. Однако это не единственный фактор, определяющий отношения между государствами. Для неолиберальных институционалистов интерес к относительным приобретениям может оказаться вторичным по отношению к абсолютному приобретению — в частности, сохранению и защите материально-го субстрата.

Государственная идентичность, таким образом, может ограничить неопределенность в международной системе. Ее относительная стабильность может стать основанием для предсказуемости поведения государств на международной сцене и даже преодоления

знаменитой «дилеммы заключенного». Соответственно, сотрудничество между государствами может стать более вероятным и строиться на более солидной основе.

С позиции конструктивизма, международная система относится к числу сложных систем, взаимодействие в которых осуществляется на основе конструируемой в процессе коммуникации идентичности. Не существует изначально заданных установок и ценностей, участники приобретают их в процессе деятельности. Объект познает себя только по отношению к «другому», вступая с ним в коммуникацию, т.е. в определенные взаимоотношения³³.

Таким образом, конструктивизм строится на основании двух основных положений: (1) структуры человеческих ассоциаций детерминируются скорее разделяемыми идеями, нежели материальными силами; (2) идентичность и интересы целеустремленных акторов конструируются этими разделяемыми идеями, а не даны природой³⁴. Именно в этом заключается одно из важнейших различий между конструктивизмом и неореализмом. Неореалисты уверены в том, что международные отношения предопределяются изначально ущербной природой человека, в то время как с точки зрения конструктивистов международные отношения создаются людьми.

Хотя сам по себе интерес конструктивистов к проблеме **национальных интересов** вполне закономерен (как обойтись без них при анализе внешней политики?), именно здесь им пришлось в наибольшей степени пойти на уступки сторонникам «классических» теорий международных отношений. Да, конечно, основной фокус конструктивизма направлен на социальное содержание интересов в международных отношениях, однако они соглашаются, что социально сконструированная природа интересов не меняет тот факт, что приоритетные интересы, которые движут государства-

ми, предопределяются материальными ресурсами, — поэтому государства либо сконструированы материальными силами, или могут рассматриваться, как если бы их интересам и поведению, т.е. государства «минимально сконструированы». Хотя большинство ученых признает, что государственные интересы в основе своей представляют *идеи в отношении необходимого*, многие конструктивисты утверждают, что *содержание* этих интересов направлено на практические цели, неизменные или включающие какую-то комбинацию необходимости выживания, обретения власти, богатства и гарантирование безопасности. Все остальное подвижно и подвержено множеству влияний.

Разумеется, у конструктивистов нет монополии на исследование того, как именно формируются национальные интересы. Этим занимаются представители практически всех парадигм в теории международных отношений. Что является специфическим исключительно для конструктивистской интерпретации интересов, так это то, что они придают приоритетное значение влиянию, прежде всего, социальных факторов. Интересы отчасти являются продуктом идентичности. Социальная конституция интересов включает все способы, каким образом интересы актора и его идентичность могут стать объектом влияния в результате взаимодействия с «другими» и социальной «средой» в целом, т.е. процессы социализации, стремление к социальному признанию и престижу, последствиям функционирования социальных норм, влияющих на интересы и поведение (включая желание создать нормы, которые легитимируют наше поведение), а также наличие или отсутствие чувства принадлежности к сообществу.

Еще одна важная особенность конструктивизма заключается в его трактовке проблем **войны и мира**. Неудивительно поэтому, что конструктивисты

считают, что определение условий, в каких случаях государства могут не просто легально, а легитимно применять силу, — центральная нормативная проблема мировой политики. Во внутренней политике ограничение возможности государства применять силу через социальные и легальные нормы — важнейшая гарантия прав человека. В международной среде подобные ограничения становятся критически важными для поддержания международного мира и стабильности. Именно поэтому эта проблематика рассматривается как центральная в отношениях между порядком и справедливостью.

Если для неореалистов война неизбежна, то, по мнению конструктивистов, война и мир всегда идут рядом в мировой политике. Они рассматривают эту проблему во многом как самопрограммируемое предсказание. Распространив на нее «золотое правило нравственности» («поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобой»), конструктивисты сделали вывод о том, что в случае, если страна «А» вооружается, она рано или поздно столкнется с дилеммой безопасности; если же она действует во имя сотрудничества, в конце концов, она может войти в число создателей сообщества безопасности. Таким образом, здесь работает логика «взаимности». Отсюда — значение деятельности, отражающей структурные факторы, в частности, разделяемое знание. Иными словами, ранее существовавшие структуры делают возможными или, наоборот, нежелательными определенные действия, создавая акторов, обладающих определенными идентичностями и интересами, а также материальный потенциал, несущий соответствующий смысл. Если страны расколоты, то велика вероятность дальнейшего развития в направлении гоббсовской «войны всех против всех»; если же они в силу сложившихся традиций доверяют друг другу, то возможность соз-

дания системы коллективной безопасности многократно возрастает. Но это всего лишь вероятность, не более того. Это означает, что результат все же не является изначально предопределенным.

Через войны и другие катаклизмы, пишет, например, Христиан Ройс-Смит, постепенно все же удалось сформировать некоторые принципы легитимного применения силы на международной сцене — равенство суверенных государств, из чего следует «корзина» международных прав (например, «одно государство — один голос» в международных организациях, самоопределение и его обратная сторона — невмешательство в дела друг друга). Соответственно, и применение силы в международных отношениях обуславливается лишь двумя обстоятельствами: 1) государства действуют в порядке самообороны; 2) они действуют коллективно ради сохранения мира и безопасности. То есть в ситуациях, выходящих за рамки самообороны, решение о применении силы должно приниматься коллективно, в частности, Советом Безопасности ООН. Вместе взятые, эти принципы создали «эгалитарный режим», который действовал в период от подписания Устава ООН и вплоть до распада колониальных держав в 1970-е гг. Однако он характеризовался отсутствием реального равенства — легальное равенство не соответствовало материальным факторам; особыми правами обладали великие державы; право на самоопределение и невмешательство постоянно нарушалось как великими державами, так и крупными корпорациями, Совет Безопасности нередко выглядел как международный форум, а концепция международного мира и безопасности обладала гибкостью протеина³⁵. Автор делает типично конструктивистский вывод о том, что проблема легитимного применения силы — центральная нормативная проблема мировой политики, поскольку является сущностно необходимой для поддержания гражданского общества и

защиты основных прав человека, не говоря уже о поддержании мира и стабильности на международной сцене через отношения между порядком и справедливостью.

Таким образом, в социально сконструированном мире наличие паттернов и базовых концептов зависит от пересечения смыслов и практик. Иногда они носят стабильный характер, однако отнюдь не зафиксированный раз и навсегда. Поскольку идеи и практики различаются во времени или пространстве, образцы, или паттерны, которые однажды выглядели как твердые и предсказуемые, «вдруг» меняются и обретают новый смысл. Это легко проследить на примерах основных политологических концептов, например, государства, суверенитета, силы, гражданского общества, партий или прав человека. Эволюция смысла каждого из этих концептов с момента его появления совершенно очевидна. При этом «особенность этого метатеоретического подхода (конструктивизма. — Т.А.) заключается в том, что он рассматривает процесс формирования международного дискурса как результат сознательного формулирования, а не только производную отношений между субъектами», — подчеркивает отечественный исследователь О. Шакиров³⁶.

Наконец, еще одна «любимая» тема международников — поиски ответа на вопрос о том, является ли **теория международных отношений наукой**. Вендт и другие конструктивисты предложили критикореалистическую позицию как способ прекращении бесконечных дебатов вокруг этого вопроса, «переведа стрелки» на более важные, с его точки зрения, явления мировой политики. Он ввел различие между онтологическими вопросами (прежде всего, вопросом о том, в самом ли деле международно-политическая сфера состоит исключительно из материальных объектов, и существуют ли независимые от идей факторы), а также эпистемологических проблем (с «натурализма»,

т.е. вопроса о правомерности применения методов естественных наук в анализе международных отношений), сделав выводы о том, что, во-первых, существующее важнее того, как мы об этом узнали; и, во-вторых, науку двигает вопрошание, а не методы³⁷.

Наконец, еще одна важная проблема, связанная с конструктивизмом, заключается в том, удалось ли все-таки его сторонникам занять **промежуточное положение** или, если сказать скромнее, выстроить мост между неореализмом и либерализмом?

Если относительно недавно, еще в 1990-е гг., конструктивизм воспринимался многими исследователями с немалым скепсисом, то сегодня, хотя бы отчасти, он вошел в самые разные теории³⁸. Как минимум две идеи — во-первых, учет нематериальных факторов (стратегия, разведка, способы урегулирования конфликтов и др.); во-вторых, социально сконструированные интересы — воспринимаются теперь как данность, не нуждающаяся в обосновании. Скажу больше, зарождение концепта «мягкой силы» также, на мой взгляд, есть продукт легитимации конструктивистской парадигмы³⁹. Как следствие, исследовательские повестки дня неореализма и неолиберализма используют конструктивистские подходы, одновременно сохраняя верность своим базовым мировоззренческим постулатам. Кроме того, конструктивизм видоизменил системный подход к международным отношениям, наполнив его новым содержанием.

Вендт, по существу, предложил компромисс: могут быть инкорпорированы содержательные интересы несогласных за счет относительно абстрактных эпистемологических положений, или иначе, вполне возможно достигнуть более глубокого понимания реальности с помощью соединения методов неопозитивизма и его противников.

Конструктивизм не стоит на месте — с момента его установления уже произо-

шла смена поколений исследователей. Многие конструктивисты более поздних поколений утверждают, что раньше конструктивизм отвергал весьма важные наблюдения, связанные с лингвистическим поворотом и «научным» подходом к исследованию международных отношений. К тому же конструктивисты слишком мало внимания уделяли поведению «по привычке» и вообще, шире, нерелексивному поведению в мировой политике. Иными словами, новое поколение конструктивистов принимает сегодня самое деятельное участие в «практическом повороте», в том числе в духе теорий Пьера Бурдьё, уделявшего особое внимание проблемам «привычки», «обычая», «традиции» в психологии и социальной жизни⁴⁰.

Внутри самого конструктивизма возникло множество течений, отклоняющихся либо в сторону либерального конструктивизма (во многом в духе Ю. Хабермаса, считающих, что в «идеальной речевой ситуации» сила вообще может быть исключена из взаимодействия в мировой политике), либо в направлении реалистского конструктивизма, который исходит из тезиса Мишеля Фуко, что какая-то форма силы всегда присутствует в любых условиях, включая и анархическую международную систему. По мнению многих исследователей, конструктивизм все же скорее склоняется в сторону либерального идеализма. Как бы там ни было, дискуссии сегодня разворачиваются уже не столько между конструктивистами и представителями основных парадигм в ТМО, сколько между самими конструктивистами, в зависимости от их склонностей — к либерализму или к реализму, что не мешает им противостоять и тому, и другому.

Сложный мир нуждается в сложной теории для того, чтобы быть понятым. Конструктивизм, собственно, и претендует именно на эту роль. Другое дело — насколько успешно.

Список литературы

1. Лебедева М.М. Мировая политика / М.М. Лебедева. М. : Кнорус, 2011.
2. Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / под ред. В.А. Лекторского. М. : Канон+, 2009.
3. Алексеева Т.А. Химеры страны Оз: «Культурный поворот» в теории международных отношений // Т.А. Алексеева // Международные процессы. 2012. Сентябрь — декабрь. Т. 10. № 3. С. 4—19.
4. Улановский А.М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструктивизм: мир как интерпретация / А.М. Улановский // Вопросы психологии. 2009. № 2.
5. Богданова В.О. Конструктивистские модели философствования в их развитии и взаимовлияние / В.О. Богданова. URL: http://e-notabene.ru/fr/article_323.html
6. Ashley, Richard. The Geopolitics of Geopolitical Space: Toward a Critical Theory of International Relations // Alternatives. 1987. Vol. 12. № 4.
7. Checler, Jeffrey. Constructivism and Foreign Policy // Foreign Policy: Theories, Actors, Cases. Ed. by Steve Smith, Amekia Hadfield and Tim Dunne. Oxford: Oxford University Press. 2008.
8. Wendt, A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press. 1999.
9. Wendt, A. Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of Power Politics. 1992. P. 394. URL: <http://www.jstor.org/stable/2706858> // International Organization. № 46.
10. Waltz, Kenneth. Theory of International Politics. New York: McGraw Hill 1979; Waltz, Kenneth. Realism and International Politics. London: Routledge. 2008.
11. Hurd, Jan. Constructivism // the Oxford Handbook of International Relations. Ed. by Christian Reus-Smit and Duncan Snidal. Oxford: Oxford University Press. 2010.
12. Adler, Emmanuel. Communitarian International Relations: The Epistemic foundations of International Relations. London: Routledge. 2005.
13. Onuf, Nicholas. World of Our Making. (University of South Carolina Press, 1989.
14. Barkin, J. Samuel. Realist Constructivism // International Studies Review. 2003. № 5. P. 338.
15. The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics. Ed. by Peter Katzenstein. NY: Columbia University Press. 1996.
16. Алексеева Т.А. Политическая теория как «практическое знание» (Usable Knowledge) / Т.А. Алексеева // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 4 (13).
17. Walt, Stephen. Alliance Formation and the the Balance of World Power. // International Security. Spring 1985. Vol. 9. № 2.
18. Reus-Smit, Christian. Liberal Hierarchy and the License to Use Force // Review of International Studies. December. 2005. № 31. Suppl. S1.
19. Шакиров О. Как формируется международная повестка дня? Ответ конструктивизма / О. Шакиров // Международные процессы. 2012. Сентябрь — декабрь. Т. 10. № 3. С. 83.
20. Bridging the Gap: Towards a Realist-Constructivist Dialogue. Ed. by Patrick Thaddeus Jackson // International Studies Review. 2004. Vol. 6.
21. Nye, Joseph. Soft Power: The Means to Success in World Politics. Harvard: Harvard University Press. 2004.
22. Pouliot, Vincent. The Logic of Practicality: A Theory of Practice of Security Communities // International Organization. 2008. Vol. 62.

¹ Лебедева М.М. Мировая политика. М. : Кнорус. 2011. С. 36. [Lebedeva M.M. Mirovaya politika. M. : Knorus, 2011. P. 36]

² См.: Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / под ред. В.А. Лекторского. М. : Канон+, 2009. [Konstruktivskiy podhod v epistemologii i naukach o cheloveke. Pod. Red. V.A. Lektorskogo. M. : Kanon+, 2009]

³ См.: Алексеева Т.А. Химеры страны Оз: «Культурный поворот» в теории международных отношений // Международные процессы. 2012. Сентябрь — декабрь. Т. 10. № 3. С. 4—19. [Alekseeva T.A. Chimery strany Oz: Kulturny povорот v teorii mezhdunarodnykh otnosheniy // Mezhdunarodnyye process. 2012. Sentjabr-dekabr. 2012. T. 10. № 3. Pp. 4—19]

⁴ Улановский А.М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструктивизм: мир как интерпретация // Вопросы психологии. 2009. № 2. С. 35—45; Богданова В.О. Конструктивистские модели философствования в их развитии и взаимовлияние. URL: http://e-notabene.ru/fr/article_323.html [Ulanovskiy A.M. Konstruktivism, radikalnyi konstruktivism, sozyalnyi konstruktivism, mir kak interpretatsiya // Voprosy psichologii. 2009. № 2. Pp. 35—45; Bogdanova V.O. Konstruktivistskiye

- modeli philosophstvovanya v ich razvitiib v vzaimovlyanii. URL: http://e-notabene.ru/fr/articke_323.html
- ⁵ Onuf, Nicholas. *World of Our Making*. (University of South Carolina Press, 1989.
- ⁶ См.: Ashley, Richard. *The Geopolitics of Geopolitical Space: Toward a Critical Theory of International Relations* // *Alternatives*. 1987. Vol. 12. № 4. Pp. 403–434.
- ⁷ Checlle, Jeffrey. *Constructivism and Foreign Policy* // *Foreign Policy: Theories, Actors, Cases*. Ed. by Steve Smith, Amekia Hadfield and Tim Dunne. Oxford: Oxford University Press. 2008. P. 73.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ Wendt, A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 1999. P. 5.
- ¹⁰ Wendt, Alexander. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 1999. P. 370. Открытие философского подхода к исследованию международных отношений привело, во-первых, к распространению понятий онтологии и эпистемологии, до последнего времени не принятых в среде международников, что потребовало разъяснения в каждом специфическом случае; во-вторых, к исчезновению собственно философской онтологии в традиционном смысле — сам по себе критический реализм — это уже философская онтология.
- ¹¹ Wendt, A. *Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of Power Politics*. 1992. P. 394. URL: <http://www.jstor.org/stable/2706858> // *International Organization*. № 46. P. 424.
- ¹² «Метатеория» относится к типу эпистемологии, противостоящему онтологическому теоретизированию, поскольку имеет в качестве своего предмета саму по себе теорию, или, иначе, «теория, предметом которой является другая теория».
- ¹³ Adler, Emmanuel. *Communitarian International Relations: The Epistemic foundations of International Relations*. London: Routledge. 2005. P. 88.
- ¹⁴ Checkel, Jeffrey. *The Constructivist Turn in International Relations Theory*. // *World Politics* (online), 1998. January, № 50 (2), hlm. 325 and 342. URL: http://muse.jhu.edu/journals/world_politics/50_er_funne.html
- ¹⁵ Barkin, J. Samuel. *Realist Constructivism* // *International Studies Review*. 2003. № 5. P. 338.
- ¹⁶ Ibid.
- ¹⁷ Wendt, Alexander. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 1999. P. 83.
- ¹⁸ Adler, Emmanuel. *Communitarian International Relations: The Epistemic foundations of International Relations*. London: Routledge. 2005. P. 90.
- ¹⁹ См.: *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics*. Ed. by Peter Katzenstein. NY: Columbia University Press. 1996.
- ²⁰ Wendt, A., *Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of Power Politics*. 1992. P. 394. URL: <http://www.jstor.org/stable/2706858> // *International Organization*. № 46. P. 396–397.
- ²¹ Ibid.
- ²² Hurd, Jan. *Constructivism* // *the Oxford Handbook of International Relations*. Ed. by Christian Reus-Smit and Duncan Snidal. Oxford: Oxford University Press. 2010. P. 303.
- ²³ Кеннет Уолц — один из наиболее ярких представителей «неореализма», сформулировал три «образа» мировой политики (в отечественной литературе часто говорят «об уровнях»): первый образ — поведение людей рассматривается как основа мировой политики, при этом фокус исследования направляется на индивидуальные мотивации, человеческую уязвимость и т.д.; второй образ — акцент на внутренней структуре государств, внутреннее устройство государств становится объяснением мировой политики; третий образ — анархия как международная система; внимание исследователя обращено на систему, в рамках которой существуют государства, что позволяет объяснить их поведение. См.: Waltz, Kenneth. *Theory of International Politics*. New York: McGraw Hill 1979; Waltz, Kenneth. *Realism and International Politics*. London: Routledge. 2008.
- ²⁴ Wendt, A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 1999. P. 24.
- ²⁵ Алексеева Т.А. Политическая теория как «практическое знание» (Usable Knowledge) // *Вестник МГИМО-Университета*. 2010. № 4 (13). С. 214–221. [Alekseeva T.A. *Politicheskaya teoria kak praktichnoye znanie* (Usable knowledge) // *Vestnik MGMO-universiteta*. 2010. № 4 (13). Pp. 214–221.]
- ²⁶ Wendt, Alexander. *Collective identity Formation and the International State* // *American Political Science Review*. 1994. № 88. P. 385.
- ²⁷ См.: Sterling-Folker, Jennifer. *Realism and the Constructivist Challenge: Rejecting, Reconstructing, or Rereading*. // *International Studies Review*. 2002. № 4. Pp. 73–97.
- ²⁸ Wendt, A. *Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of Power Politics*. 1992. P. 396. URL: <http://www.jstor.org/stable/2706858>

- ²⁹ Ibid. P. 399–400.
- ³⁰ Ibid. P. 394.
- ³¹ Wendt, A. Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of Power Politics. 1992. P. 396. URL: <http://www.jstor.org/stable/2706858>
- ³² Walt, Stephen. Alliance Formation and the the Balance of World Power // International Security. Spring 1985. Vol. 9. № 2. P. 44–45.
- ³³ Wendt, A. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics. 1992. P. 402. URL: <http://www.jstor.org/stable/2706858>
- ³⁴ Wendt, A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press. 1999. P. 1.
- ³⁵ Reus-Smit, Christian. Liberal Hierarchy and the License to Use Force // Review of International Studies. December. 2005. № 31. Suppl. S1. Pp. 71–92.
- ³⁶ Шакиров О. Как формируется международная повестка дня? Ответ конструктивизма // Международные процессы. 2012. Сентябрь — декабрь. Т. 10. № 3. С. 83. [Shakirov, Oleg. Kak formiruetsia mezhdunarodnaya povestka dnya? Otvet kinstruktivizma // Mezhdunarodnye process. 2012. Sentjabr-dekabr. 2012. T. 10. № 3. P. 83]
- ³⁷ Wendt, A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press. 1999. P. 40.
- ³⁸ Bridging the Gap: Towards a Realist-Constructivist Dialogue. Ed. by Patrick Thaddeus Jackson // International Studies Review. 2004. Vol. 6. Pp. 337–352.
- ³⁹ См.: Nye, Joseph, Soft Power: The Means to Success in World Politics. Harvard: Harvard University Press. 2004.
- ⁴⁰ См., напр.: Pouliot, Vincent. The Logic of Practicality: A Theory of Practice of Security Communities // International Organization. 2008. Vol. 62. Pp. 257–288.